Санкт-Петербургский Институт истории
Российской академии наук

П. Л. БАРК

Воспоминания последнего министра финансов Российской империи

1914–1917

Том 1

КУЧКОВО ПОЛЕ
МОСКВА
2017

ного хозяйства. Затронуты были темы о вооружении, о железнодорожном строительстве, о торговле, о промышленности, о постройке портов, о торговом мореплавании. Мой доклад превратился в оживленный диалог, и беседа продолжалась пятьдесят минут. Между прочим, Государь мне сказал, что впервые запомнил мое имя, когда министр финансов Витте ему докладывал о моей служебной поездке в Персию, которая имела место в 1903 г., то есть 11 лет тому назад[1]. Государь прибавил, что на него произвело впечатление мое решение покинуть Волжско-Камский банк и вернуться в ряды бюрократии. «Вы получали большое содержание в банке, вероятно, тысяч шестьдесят». Государь был поражен, когда я ответил, что получал в банке более чем вдвое названной цифры. Удивление Государя еще более увеличилось, когда я на заданный вопрос упомянул, что содержание товарища министра составляет 13 000 руб. — «Что же побудило вас вернуться на государственную службу?» — Я ответил, что, хотя тринадцати лет потерял своего отца и мне с юных лет пришлось зарабатывать свой хлеб, я никогда не придавал особенной ценности деньгам, предпочитая более широкую государственную деятельность, на пользу родины, служению частным интересам. Переход мой в Волжско-Камский банк был вызван стечением обстоятельств, и я смотрел на службу в этом банке как на временный этап в моей жизни.

Государь все время смотрел на меня своими лучистыми, проницательными, бесконечно добрыми глазами. Когда наша беседа кончилась, он немного помолчал и потом обратился ко мне со следующими словами: «Я решил предложить вам портфель министра финансов с тем, чтобы вы изменили нашу финансовую систему по моим указаниям и соответственно высказанным вами взглядам. Я знаю, что это задача не легкая, но я убежден, что благодаря вашему опыту и знаниям вы с нею справитесь. Я уверен, что вы примете на себя это бремя на пользу России и для меня». Я ответил, что бесконечно

[1] «По делам службы» П. Л. Барк командировался в Персию в январе 1903 г.

благодарен Его величеству за оказанное доверие и что приложу все старания, чтобы оправдать это доверие и справиться с возлагаемым на меня трудным делом.

Государь встал, крепко пожал мне руку и на прощанье сказал, чтобы я никому не говорил пока о дарованной мне аудиенции. Он сам решит, когда должно последовать мое назначение, и уведомит меня об этом.

Вызов Государем одного из товарищей министра в Царское не так легко было скрыть, и на следующий день в правительственных кругах стало известно о моей аудиенции. Министру торговли Тимашеву также сообщили об этом, и, позвонив мне по телефону, он предупредил меня, что зайдет ко мне на дом для конфиденциальной беседы. Приехав ко мне, он задал мне прямо вопрос, правда ли, что, наконец, я был у Государя и подал его величеству записку о преобразовании наших финансов. Мое положение оказалось чрезвычайно щекотливым и деликатным. С Тимашевым меня связывали долголетние служебные и дружеские отношения, которые за время моего пребывания в должности товарища министра торговли стали особенно близкими. Между тем Государь повелел мне никому не говорить о моей аудиенции. Скрепя сердце, я ответил, что никакой записки не подавал, что соответствовало истине, и что Государя не видел, что противоречило истине. Тимашев удовлетворился ответом, но выразил удивление, почему же с такой настойчивостью распространился слух о моем докладе у Государя. Он прибавил, что на заседании Совета министров министр юстиции Щегловитов ему категорически заявил, что в ближайшем будущем должно состояться мое назначение министром финансов.

Прошло четыре дня со времени моего выезда в Царское Село, и поздно вечером 30 января (12 февраля) фельдъегерь привез мне рескрипт Государя следующего содержания:

«Высочайший рескрипт, данный на имя управляющего Министерством финансов действительного статского советника Барка.

Петр Львович. С Божьей помощью совершенное Мною в минувшем году путешествие по нескольким великорусским губерниям дало Мне возможность непосредственно ознакомиться с жизненными нуждами окружавшего Меня народа. С отрадою в душе Я видел светлые проявления даровитого творчества и трудовой мощи Моего народа, но рядом с этим с глубокою скорбью Мне приходилось видеть печальную картину народной немощи, семейной нищеты и заброшенных хозяйств — неизбежные последствия нетрезвой жизни и подчас народного труда, лишенного в тяжкую минуту нужды денежной поддержки путем правильно поставленного и доступного кредита.

С тех пор, постоянно обдумывая и проверяя полученные на местах народной жизни впечатления и сведения, Я пришел к твердому убеждению, что на Мне лежит перед Богом и Россией обязанность ввести безотлагательно в заведывание государственными финансами и экономическими задачами страны коренные преобразования, во благо Моего возлюбленного народа.

Нельзя ставить в зависимость благосостояние казны от разорения духовных и хозяйственных сил множества Моих верноподданных, а посему необходимо направить финансовую политику к изысканию государственных доходов, добываемых из неисчерпаемых источников государственного богатства и от народного производительного труда, и, при соблюдении разумной бережливости, постоянно соединять заботы об увеличении производительных сил государства с заботою об удовлетворении нужд народа. Таковы должны быть цели желательных преобразований.

В успехе их осуществления и в безотлагательной необходимости их для блага Моего народа Я тем более убежден, что и Государственная дума, и Государственный совет, по поводу пересмотра законов о казенной продаже питей, горячо откликнулись на эти нужды народной и государственной жизни.

Призывая Вас к управлению Министерством финансов, где Вы начали при покойном И. А. Вышнеградском,

в царствование Моего в Бозе почившего родителя, Вашу службу, и возлагая на Вас осуществление таких коренных преобразований, для которых подробные указания Мною будут Вам даны, Я надеюсь, что с Божьей помощью, с Вашим опытом и Вашими познаниями Вы оправдаете Мое к Вам доверие и исполните на пользу России и народа, и Мне в отраду, трудное дело, на Вас Мною возлагаемое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано

"Николай".

В Царском Селе, 30 января 1914 г.»[I].

Коковцов при своем увольнении получил титул графа[II].

[I] «Я, — писал В. Н. Коковцов, перечисляя лиц, причастных к составлению рескрипта, — имел самое точное сведение о том, что рескрипт писался на квартире Кривошеина, при постоянном участии самого Горемыкина и Барка, не раз переделывался и исправлялся и окончательное редактирование его, под руководством Кривошеина, происходило при самом близком участии Горемыкина. Затем проект рескрипта не раз возился Барком к Мещерскому и кочевал обратно к Кривошеину, и сам Кривошеин, за два месяца перед тем болевший и не выезжавший из дома, стал выезжать и посетил больного Мещерского, за два дня до получения мною письма от Государя. С ним виделся там близкий мне доктор Чигаев» (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 267–268). Во всяком случае, черновой вариант рескрипта хранится в личном фонде А. В. Кривошеина в РГИА (Ф. 1571) (*Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 216).

[II] П. Л. Барк не упомянул, что 30 января 1914 г. лично посетил В. Н. Коковцова, тогда же возведенного в графы, и имел с ним беседу, которую тот зафиксировал в особой записи: «В 3 часа дня ко мне приехал новый управляющий Министерством финансов — Барк. Он вошел в кабинет весьма смущенный и заявил, что пришел в день своего назначения, чтобы поздравить меня с великой монаршей милостью, выразил мне глубочайшее свое уважение, которое он питает ко мне еще с того времени, когда он был моим подчиненным в качестве товарища управляющего Государственным банком, и чтобы просить моей помощи и совета в выпавших на его долю, столь неожиданно, трудных обстоятельствах. Мы сели у большого письменного стола, и Барк начал с того, что назначение свалилось на него, как снег на голову, что он им смущен до последней степени, что его страшат в особенности непомерные требования Военного министерства и что его единственная надежда на мою доброжелательную помощь. Я поблагодарил его за лестное ко мне отношение и попросил его разрешения говорить с ним также совершенно откровенно, так как в моем положении совершенно бесцельно вести дипло-

Председателем Совета министров, без портфеля, был назначен И. Л. Горемыкин[I], бывший премьером при открытии Первой Государственной думы[II].

матические беседы. Я сказал ему, прежде всего, что его назначение не только не было для него неожиданностью, но подготовлялось издавна, и еще в 1910 году, когда он был назначен товарищем министра торговли, все говорили открыто, что Тимашев взял его не столько по собственному выбору, сколько потому, что на него указал покойному Столыпину Кривошеин, готовя в нем более сговорчивого, чем я, министра финансов в будущем. Я прибавил еще, что для меня не составляют тайны его частые визиты к князю Мещерскому, после той помощи, которую оказал тот ему в трудную минуту его жизни. Я перешел затем к самой его просьбе о помощи и сказал: "Зачем нам играть в прятки. Вы для этого слишком умны и молоды, а я слишком стар, и нам гораздо проще говорить открыто, не вызывая никаких недоразумений". "Рескрипт, данный на ваше имя, — сказал я, — ясно говорит, что вы должны делать не то, что делал я, а прямо противоположное, и если вы будете руководиться "моими советами", то, несомненно, впадете в противоречие с начертанною программою, а требовать от меня, чтобы я научился оберегать вас от моих же ошибок, значит быть слишком жестоким ко мне". Я дал ему даже дружеский совет, как можно скорее эмансипироваться от моего влияния и подобрать себе новый штат главных сотрудников, воспользовавшись той помощью, которую я ему оказал, испросивши назначения членами Государственного совета по их настоятельной просьбе — 3-х его товарищей. Я сказал также, что, желая облегчить его в его новой деятельности и устранить самую мысль о том, что я могу ему быть в чем-либо помехою, я просил Государя освободить и Финансовый комитет от моего участия. Эти два сообщения были для него совершенно неожиданны, и он нашелся сказать лишь только одно: "Как же это так случилось разом". А затем опять перешел к вопросу о трудности его положения, о том, что он решительно не знает, как ему бороться против колоссальных требований военного министра, которые могут привести его к совершенно безвыходному положению, и потому он и пришел к необходимости искать опоры в таких умудренных опытом людях, как я. Но и на это повторное обращение ко мне я ответил отказом, дав этому отказу подробные объяснения, которых я не буду здесь воспроизводить... Мы расстались на этом с Барком и более не встречались ни для какой беседы» (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 243–245). После встречи с В. Н. Коковцовым граф В. В. Мусин-Пушкин писал 18 февраля 1914 г. тестю, кавказскому наместнику графу И. И. Воронцову-Дашкову, что П. Л. Барк «на другой же день после своего назначения и беседы с Коковцовым сказал, что ему остается только кинуться в Неву, чего, однако, не сделал, и отдал приказ всячески поднимать биржу» (Из переписки царских сановников накануне войны и революции // Красный архив. 1933. Т. 61. С. 132).

[I] Назначение И. Л. Горемыкина председателем Совета министров последовало 30 января 1914 г.

[II] Первый раз И. Л. Горемыкин занимал пост премьера с 22 апреля по 8 июля 1906 г.

Наибольшее впечатление в правительственных, придворных, общественных кругах, также во всей стране произвел рескрипт на мое имя[I]. Рескрипты давались заслуженным сановникам при пожаловании им высших наград (например, ордена Св. Андрея Первозванного), а также при увольнении высоких должностных лиц. Рескрипт же на имя сравнительного молодого бюрократа и при назначении его на должность был явлением совершенно необычным. В данном же случае возвещалось коренное преобразование нашей финансовой системы, причем новому министру финансов вменялось в обязанность принять меры к утверждению в народе трезвости. Возвещалась совершенно новая эра.

[I] «Крестьяне — члены Государственной думы, — доносил И. Л. Горемыкину 18 февраля 1914 г. заведующий Министерским павильоном при Таврическом дворце Л. К. Куманин, — обратились к председателю Государственной думы с ходатайством отслужить 19 февраля в церкви Императорского Таврического дворца не только панихиду по Царе-Освободителе, но и молебен о здравии и долгоденствии Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича по поводу тех Царственных указаний, которые изложены в рескрипте Его Величества на имя управляющего Министерством финансов. Крестьяне — члены Государственной думы предупредили М. В. Родзянко, что после молебна они отправят всеподданнейшую телеграмму, текст которой ими ныне разрабатывается» (Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 г. // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 18). Согласно донесению Л. К. Куманина от 7 марта 1914 г., «по мнению членов Думы», «Высочайший рескрипт на имя П. Л. Барка ясно, определенно и выпукло начертал финансовую программу предстоящей государственной деятельности» (Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 7). Вместе с тем назначение П. Л. Барка, несмотря на полученный им рескрипт, вызвало недовольство со стороны Правой фракции. «Правые, — доносил Л. К. Куманин 31 января 1914 г., — вполне присоединяясь к суждениям националистов, в то же время находят, что назначение П. Л. Барка министром финансов значительно парализует то бодрое настроение, которое они испытали при известии о назначении И. Л. Горемыкина» (Донесения Л. К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 18).